

НАТУРАЛИСТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ**МЕДВЕДЬ НА ДУБЕ?!**

А.В. Исаев

A BEAR ON AN OAK-TREE?!

A.V. Isaev

В конце август, когда почти все листья уже пожелтели, а некоторые упали на землю, самая пора проведения полевых работ. К этому времени полчища комаров значительно поредели, не так жарко, воздух свеж и приятен. Однако, это – и время созревания массы плодов, привлекающих к себе многих животных, которые не прочь ими поживиться. Желудь дуба черешчатого в основном созревает в это время, но еще висит на дереве, а падают только желуди, поврежденные различными вредителями и болезнями. Известно, что желудь является одним из самых питательных плодов в наших пойменных лесах и на него много претендующих. К их числу можно отнести, в первую очередь, мышевидных грызунов, которые представляют наибольшую угрозу для желудей, также кабаны, сойки, белки, бурундуки и многие другие обитатели леса любят ими полакомиться и запастись впрок на долгую зиму. Медведи, одни из самых крупных млекопитающих в республике, также находят в желуде ценный источник пищи, и не прочь, при возможности, его съесть. Конкуренция между животными возрастает – кто успеет быстрее других вкусить плоды могучего великана широколиственных лесов? На этот вопрос мы попытаемся ответить.

В конце августа 2004 года автор собирал материал для кандидатской диссертации, посвященной закономерностям формирования почвенного и растительного покрова в пойме реки Большая Кокшага. Август – время подходящее для исследования почв: комаров практически нет, температура в пределах 20 ... 25°C. Один почвенный разрез из серии решено было заложить на левом берегу реки в условиях центральной поймы недалеко от кордона Красная горка. Почва была тяжелая, копать трудно,

земля постоянно липла к лопате, поэтому приходилось периодически стучать лопатой по лежащему рядом стволу дерева. Решив отдохнуть и перекусить, я сел на ступеньки разреза и прислушался к лесной тишине. Однако невдалеке, как было понятно по звуку, раздавался треск ломающихся веток и шум от их падения на подстилку, частично покрытую только что опавшей листвой. Я сразу догадался, что это проделки «косопалого», который залез на дуб и «собирает урожай». Прикинув примерно расстояние до дерева, решил, что оно расположено за ручьем, разделявшим меня и медведя. Такой случай упустить нельзя. К счастью, у меня в рюкзаке был старенький фотоаппарат «Смена-8 м», заряженный цветной пленкой для фотографирования стенок почвенного разреза. Одежда – энцефалитный костюм цвета хаки скрывал меня, что еще больше придавало мне уверенности. Взяв фотокамеру, я, насколько было можно, тише, стал подбираться на слух к возможному месту дислокации медведя. Через 15 метров я понял, что ошибся в определении расстояния, и медведь находится не на противоположном берегу ручья, а на том же, что и я. Это несколько испугало, но в любом человеке присутствует инстинкт охотника, который уже целиком охватил и меня, несмотря на то, что в руках было не ружье, а фотоаппарат. Немного постояв, решил продолжать приближение к объекту, к тому же шум от медведя был приличным, а камуфляж и тихое поведение делали меня практически незаметным. Пройдя еще метров 5, обнаружил дуб, в кроне которого раздавалось посапывание, крехтение и скрежет когтей о плотную кору дерева. Расстояние до дерева составляло около 20 м, и мне не хотелось подходить ближе, хотя с точки обзора, занятой мной, виновник шума виден не был. В кроне периодически мелькали то голова, то лапа, то туловище медведя; сломанные ветви падали на землю одна за другой. Пока выжидал лучший момент для фотографирования, меня не покидали мысли: как медведь смог залезть на такую высоту 20 ... 22 м (дуб приблизительно 25 ... 28 м), да еще и ломать ветви, достигавшие 10 см и более в диаметре. Через некоторое время шум прекратился, правда и крона дерева лишилась ветвей примерно на 30%. Понятно: медведь сделал дело и собирается спускаться. Дыхание участилось, кровь прилила к голове, в висках застучало. Сперва показался круп зверя – он слезал головой вверх, затем и все туловище. Тем не менее, момент для фотографии не перспективный. Мишка стремился к земле не торопясь, обхватывая лапами ствол, периодически останавливался, смотрел вниз – искал оптимальный путь. Вот он достиг разветвления ствола, и здесь «косопалый» решил отдохнуть, перевесившись на обе стороны. Вот в этот момент и был сделан кадр (рис. 1), который заставил подискутиро-

вать некоторых специалистов: лазают ли медведи на дуб? Набравшись сил, медведь продолжал путь к сломанным ветвям, а я поспешил отойти к месту разреза, чтобы избежать возможных неприятностей.

Рис. 1. Медведь на дереве дуба.
Фото автора.

Вы можете сказать – это единичный случай. Ничего подобного. Свидетельств этому можно было бы привести больше, будь всегда под рукой фотокамера, да еще с хорошим оптическим увеличением. Очень часто в конце лета – начале осени многие сотрудники заповедника, проходя по пойме, сталкиваются с подобными случаями. Автор сам был свидетелем не менее 3-х таких эпизодов. К тому же наличие под многими деревьями дуба крупных веток, лежащих на земле, и естественно изреженная крона также подтверждают описанный факт. Это, конечно, отрицательно сказывается на состоянии деревьев дуба, и без того малочисленных, но заповедник есть заповедник.

Такое поведение свойственно медведям, особенно когда сказывается недостаток других кормов. Это также и один из способов избежать конкуренции за столь ценный в питательном отношении плод как желудь. Ведь после того, как плод упа-

дет на землю, множество животных тут же пользуются предоставленным случаем. Для медведя больше шансов найти спелые, здоровые желуди в большом количестве на дереве, до которых еще не успели добраться многие его любители – мыши и кабаны.

НАБЛЮДЕНИЯ ЗА МЕДВЕДЯМИ ПРИГОРОДА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Д.В. Осипов

OBSERVATIONS ON BEARS IN SAINT-PETERBURG SUBURBS

D.V. Ossipov

Традиционно бытующее представление о бурых медведях (*Ursus arctos* L.), как о достаточно обычных спутниках дремучих, таежных и заповедных территорий, удаленных от крупных населенных пунктов и больших городов, оказывается уместным распространять даже для окрестностей северного мегаполиса – Санкт-Петербурга.

Мои наблюдения за популяцией бурых медведей сравнительно высокой плотности в окрестностях Санкт-Петербурга продолжают в течение вот уже более двадцати лет. Я специально не называю точные географические названия и административные пункты, дабы не навлечь на зверей дополнительных антропогенных раздражений и рисков, которые могут быть вызваны любознательными натуралистами, желающими в какой-то части повторить описанные здесь маршруты.

Регулярные контакты с медвежьим населением одного из пригородов Санкт-Петербурга начались со случайной встречи одиночного следа на насте во время лыжной прогулки по крупному лесному массиву в конце марта месяца 1985 г. Протяженные лесные прогулки по глубокому снегу практически невозможны до становления наста без специальной экипировки. В конце марта – начале апреля образование устойчивого плотного снежного наста позволяет преодолевать на лыжах 30-40 км и увидеть следы зверей и птиц в разных лесных биотопах: старовозрастных ельниках, осинниках с примесью березы, пространных моховых верховых болотах, практически недоступных в другие сезоны года, перелесках и в 40-50-летних заросших вырубках, лощинах многочисленных лесных ручьев и мелких речек, берущих свое начало из болот.

Должен сразу оговориться, что наблюдаемая ситуация с популяцией медведей в пригородах Санкт-Петербурга ни в коем случае не попытка возрождения бытующих у некоторых жителей других континентов представлений о гуляющих по улицам Москвы и Санкт-Петербурга медведях. Однако, действительно ближайшие места встреч с медведями в районе моих наблюдений располагались не далее чем в 10-15 км от административной границы западных окраин Санкт-Петербурга.

Следует принимать во внимание, что особый охранный режим с существенным ограничением хозяйственного освоения части лесного массива наблюдений площадью примерно 20 на 50 км был обусловлен введением на ней с начала 60-х годов статуса ракетного пояса средств противовоздушной обороны Санкт-Петербурга. Благодаря этому режиму, леса, отнесенные к военному ведомству, в доперестроечный период практически не подвергались масштабным рубкам. Сеть утративших свое назначение грунтовых дорог на этой территории не возобновлялась с довоенного времени. Лесной массив пересекает единственное шоссе военного назначения, закрытое до середины 90-х годов для движения гражданского транспорта.

Другой немаловажный факт, характеризующий, в экологическом плане, территорию наблюдений, состоит в том, что в годы Великой Отечественной войны эти места были зоной более чем двухлетних жестоких боев и прифронтовой полосой системы обороны Ленинграда, что, конечно, привело к полному уничтожению всех крупных представителей фауны в этом районе.

Таким образом, наблюдаемое с 1985 года состояние фауны, сформировалось в этом районе за 35-40 послевоенных лет.

Наконец, еще одним важным фактором, объясняющим особенности экологии медведей наблюдаемой популяции, состоит в том, что в начале 60-х годов на границе лесного массива в сельских населенных пунктах были построены крупные животноводческие комплексы, не укомплектованные могильниками с обязательным технологическим оборудованием. Нерадивые животноводы, в нарушение обязательных мер безопасности, удаляли трупы скота неизбежного зимнего падежа попросту бульдозером «под горку» с территории животноводческого комплекса на границу лесного массива. Оттаивающие трупы – отличная весенняя приманка для голодных, только что вставших после зимней спячки медведей, безусловно, влияла на их поведение и весенние миграции. Уместно напомнить, что в естественных условиях обитания медведей туши погибших зимой лесных обитателей (лосей, кабанов, других зверей и птиц), оттаивая с весенними потеплениями, распространяют привлекательный аромат и являются важным компонентом весеннего, достаточно бедного, в основном растительного, пищевого рациона медведей.

Принимая во внимание комплекс всех вышеназванных обстоятельств, становится не столь уж удивительным, почему на маршруте 25-40 км дневной экскурсии удавалось встретить следы до пяти медведей. О том, что следы принадлежали разным особям, можно было безошибочно установить по размерам лап и по особенностям поведения зверей (рис. 1).

Описание некоторых натуралистических наблюдений за поведением медведей, покинувших берлогу, мне хотелось бы начать, приведя дословно, без редакционных правок, отчет об экологической экскурсии со мной 18 марта 1995 года американской студентки Лили Пикок, которая стажировалась в Санкт-Петербургском государственном университете, в том числе и по курсу «Экология» (рис. 2).

«Уходя с поля, мы перешли опушку и вошли в лес. Была ранняя весна или поздняя зима – все было непонятно в этом году. Но все-таки был теплый день, хотя было тепло не из-за температуры, а из-за отсутствия ветра. Пятнистый снег не таял, и наст хрустел под ногами. Хруст снега занимал наши чувства и только когда мы остановились, были слышны звуки леса. Сквозь голые сучья вороны реяли парами и пронзительно кричали. Ветер свистел и дул через вершины деревьев. Вершины осин и берез качались на ветру. Но на земле не было звуков. Только время от времени опадающие листья ударялись об стволы деревьев по пути к земле. Все далеко видно зимой – когда нет листьев. Мы осмотрели увидеть зверей хотя бы мельком. Всякое движение было бы видно.

Мы пошли дальше в затопленный лес. Он замерз под ногами. Вся

Рис. 1. След спокойно идущего по насту медведя.

Рис. 2. Американская студентка Лили Пикок около следа пестуна (возраст 13 месяцев), рядом видны следы крупного медведя, сильно оплывшие после двухнедельной оттепели с дождями.

прошлогодня трава была видна через прозрачный лед. Наст перестал хрустеть и мы покатались. Мы пошли глубже в лес, там еще не было затоплено. Мы шли опять по насту. Время от времени утопая в глубоком снегу. Ноги заболели, потому что мы ходили как будто вверх по лестнице, проваливаясь в снег.

Мы пошли в лес тропить медведя, сначала нашли только старые, тающие следы волков, лосей и беляков. Затем нашли огромные ямки, сделанные медведем: он ходил по тающему снегу, когда было тепло. Следы были увеличены и неопытному исследователю казалось бы, что наш медведь должен был быть хорошим зверем.

Мы шли мимо лосиной столовой – где все разлагающиеся деревья лишены коры. Следы лосиных зубов рисовали настоящую картину на упавших деревьях. Вдруг мы напали на свежие медвежьи следы – такие свежие, что края были острые, отпечатка когтей были видны и даже были пятна крови от изрезанной кожи. Зверь был молодой, мы решили из-за размера следов и следы наверно сегодняшние. Мы пошли подальше и опять нашли следы. Но отпечатки были снежные на прозрачном льду. Какие свежие! Даже видны были линии лап! Сейчас все стало очевидным, он знал, что мы там были. Он ушел перед нами глубже в лес, еще медленно и спокойно, чтобы нас не встретить. Мы как любопытные люди – фотографировали и рисовали наши находки. Когда мы следили за следами подальше, мы нашли заутоптанное место, где он сидел прямо на задних ногах и как будто слушал наш разговор.

Все дальше и дальше мы шли через верховое болото с маленькими соснами и через темный глухой еловый лес. Везде встречали следы зверей и казалось, что по размерам были три медведя. И вот мы нашли несколько лежек и другие знаки, что разумеется, берлога была близка. Но мы продолжали идти по тропинке не проникая в лес, чтобы найти берлогу.

Наконец, перейдя замерзшие болото или, более верно, перекатившись, мы нашли черное озеро.

Казалось, что лес был насыщен зверями - потому что все следы были видны – все движение, всех видно. Скоро, когда весна придет и все будет рождаться снова, все следы исчезнут и снова лес станет таинственным и звери станут спрятанными».

Я могу понять эмоциональное состояние юной студентки при первой встрече со следами хозяина леса. Действительно, в восемь часов утра ты еще был в уютной теплой квартире большого жилищного массива пригорода Санкт-Петербурга, а через полтора часа, в лесу, ты уже пересекаешь первый свежий след медведя. След на снегу содержит достаточно

много информации о звере. По размерам передней лапы достаточно точно можно определить возраст зверя, по характеру хода – особенность поведения (стоит, сидит, бежит, копает). Тропление медведя позволяет наблюдать за его пищевым поведением.

Встав из берлоги, медведь освобождается от пробки из задней кишки, которая образуется благодаря особой диете в период подготовки к спячке. Отмечаю этот факт совсем не для того, чтобы продемонстрировать свои знания биологии зимней спячки медведя. Просто считаю одной из ценнейших натуралистических находок найденную пробку 5-6-летнего зверя. Пробка прямой формы (длиной размером 27 см, диаметром 5 см) состояла из плотного землянистого материала с примесью материала муравейника или хвойной подстилки. Результаты длительного тропления этого медведя показали, что освобождение от пробки произошло не в первый день выхода из берлоги, скорее всего, на вторые сутки.

Вставший из берлоги медведь голоден, что побуждает его много передвигаться в поисках чего-нибудь съестного. В солнечные мартовские дни медведь часто выходит на опушки старовозрастных ельников, раскапывает муравейники, разворачивает старые пни, копается в валежнике, разрывает мышиные гнезда, из растительности он явно отдает предпочтение багульнику болотному и осоке заячьей (рис. 3). Не раз я наблюдал случаи, когда медведь находил места кормежки кабанов и доедал за ними вывернутые корни болотной растительности (рис. 4).

В солнечные дни медведь нередко ложится, устраивая лежку на разрытой болотной кочке или на крупном муравейнике (рис. 5). Однажды мне довелось оказаться достаточно близко с принимающим солнечные ванны медведем и испугнуть его. Далее с хозяином леса произошел классический случай «медвежьей болезни» и – бегство бедолаги (рис. 6).

За время наблюдения за медведями в окрестностях Санкт-Петербурга мне удалось найти пять берлог, все они оказались открытого типа. Специалисты считают, что для Ленинградской области берлоги такого типа составляют не более 30% от всех учтенных берлог. Думаю, что это можно объяснить тем, что мои лыжные маршруты чаще пролегли по опушкам моховых болот, по вырубкам, где, возможно, чаще устраивают свои берлоги открытого типа молодые звери. У меня есть основания полагать, что половозрелая часть популяции обосновывается на зиму в глухих чащобах, буреломах и переспелых ельниках, где тип берлоги приобретает черты закрытого логова благодаря обилию поваленных крупных деревьев, вывертов корневой системы, обилию валежника и плотного елового подроста.

Рис. 3. Осока заячья – излюбленный корм медведя в период весенней бескормицы.

Рис. 4. Место доедания медведем вырытых кабанами корнейев болотной растительности в пойме лесного ручья.

Рис. 5. Следы «солнечной ванны» медведя на разрытом муравейнике. Четко видны контуры тела, положение головы и лап лежавшего на левом боку медведя, следы грязных лап спугнутого медведя.

Памятуя совет моего коллеги – отечественного зоолога и замечательного натуралиста Юрия Бориславовича Пукин-ского, я никогда не ходил по следу весеннего медведя «в пяту» (т.е. в сторону, обратную направлению движения зверя) в поисках берлоги, как это делают профессионалы при весенних учетах численности популяции зверя. Как меня учили, медведь вполне может снова вернуться в берлогу, например, в связи с изменением погодных условий, и встреча с ним для любопытного безоружного натуралиста окажется весьма опасной.

На рис. 7 видны характерные особенности берлоги открытого типа. Медведь построил ее на верховом болоте на границе с заросшим трост-

ником буреломом. Для основы использовал высокую кочку с корневой системой нескольких сухих деревьев. Прямок приподнят на 20-30 см натасканным зверем мхом. Края берлоги имеют хорошо выраженный лоток высотой до 30-40 см из обкусанных пушистых сосновых веток с небольшой примесью еловых. Более того, медведь делает еще и крышу из пучков обкусанного тростника. Поразительно, что у берлоги открытого типа медведь обязательно строит «шлагбаум», заламывая и закусывая стоящие рядом молодые деревца и сухие деревья, около этой берлоги их четыре. «Шлагбаум» надежно защитит спящего медведя от потенциальных нарушителей сна - крупных лосей и кабанов, которые вполне способны пробить копытами грудную клетку спящего медведя. Укладываясь в такую берлогу, медведь подползает под крышу и устраивается в «гнезде» на спячку. Снегопады накрывают толстой шапкой крышу, а внутри берлоги сухо и тепло. В конце марта такая берлога хорошо прогревается весенним солнцем, отличное место для последних снов медведя. Судя по следам, медведь вставал и снова ложился в эту

берлогу. На место ее расположения мне точно указали своими криками и поведением вóроны. Конечно, эти мудрые пернатые первыми обнаружили в лесу проснувшегося зверя и отслеживали его. Уж вóроны-то знают, что там, где прошел медведь, рано или поздно можно будет поживиться падалью.

Рис. 6. Ситуация «медвежьей болезни» перед бегством напуганного зверя, видны следы передних и задних лап медведя; расположение мочевого пятна указывает на мужской пол беглеца.

Другая берлога открытого типа изображена на рис. 8. Она была построена на южной опушке старовозрастного леса между стволами двух сосен, приямок и лоток устроен из еловых лап, обкусанных и принесенных медведем. На рядом стоящей елке на высоте 2,5-3-х метров видны места откусанных веток. В качестве «шлагбаума» здесь использован ствол поваленной сухой ели. Любопытно, что перед тем, как встать из этой берлоги, трехлетний мишка (ширина передней лапы 14 см), очевидно, принимал солнечные ванны и, в восторге сделав первый прыжок... с головой угодил в большую мочажину, прикрытую тонким слоем льда на непромерзшем болоте в пойме речного ручья. По следам на снегу можно было понять – мишка выбрался из полыньи, отряхнулся и все еще мокрый, с ручьями воды, стекающими по лапам, побрел по ослепительно белому мартовскому снегу в поисках провианта.

Рис. 7. Автор статьи у берлоги медведя открытого типа на верховом болоте, около заросшего тростником пожарища. Видны четыре заломанных дерева, образующие «шлагбаум».

Рис. 8. Автор статьи у берлоги медведя открытого типа на опушке старовозрастного леса у поймы ручья.

В весенний период до полного таяния снега труднее всего, конечно, приходится пестунам (одногодкам), которых медведица выгоняет из берлоги и они без родительского сопровождения впервые сталкиваются с незнакомым миром зимнего леса. Свое первое лето и осень медвежонок проводит под неусыпным оком медведицы, и у пестуна еще мало своего собственного жизненного опыта, есть хочется, и солнце в начале марта такое теплое. В одной из медвежьих экскурсий я, с моим молодым коллегой, шел по следу пестуна, и мы ощущали его молодой восторг, любопытство и стремление к поиску. Следы пестуна (ширина передней лапы 9 см) привели нас к берегу не очень широкого весеннего разлива лесного ручья, покрытого тонким коварным льдом, образовавшимся при ночных заморозках; сверху тоненький слой снега. В метрах пятидесяти – сужение ручья, корни деревьев, валежник, здесь спокойно можно было бы безопасно перебраться или даже перепрыгнуть на другой берег, но пестун молод, неопытен и любопытен. Медвежонок

ступает по тонкому льду прямо через разлив и, естественно, проваливается под лед, судорожно выбирается по подламливающемуся под ним льду на другой берег, отряхивается, ни с того, ни с сего отчаянно кусает ствол стоящей рядом березы толщиной около 10 см (клыки уже хорошо развиты) немного успокаивается и бредет дальше, стучает лапой по большому трухлявому пню (смотреть и разрывать содержимое разбитого пня не стал) и, вероятно, обидевшись на кого-то, продолжает свой полный приключениями путь по весеннему лесу. Минут через 15 слышу тревожный крик моего юного напарника по экскурсии. Подхожу и вижу - в излучине того же ручья, совершенно в сходной ситуации, о которой я вам только что поведал, мой друг выбирается из воды, уже совершенно забыв опыт пестуна. В этой связи вспомнилось название одной из книг любимого писателя-натуралиста Даррелла – «Моя семья и другие звери». Да, поведение молодняка имеет много сходных черт.

Другой пестун (ширина лапы 10,5 см), вероятно, очень куда-то торопился, не стал обходить плотно растущий молодой ельник на опушке леса, полез под елки, сокращая только ему ведомый путь. Частокол обломанных тонких сухих прикорневых веток как жесткий гребень прочесали шубу медвежонка. В руках у меня оказался невесомый пук рыжевато-бурой шерсти, мягкой, как пух. Долгое время я хранил этот пук медвежьей шерсти как дорогую реликвию лесных экскурсий. А пестун, в этом густом ельнике, умудрился еще и поранить лапу, и капли крови ярко алели еще долго на его следах.

Следует упомянуть, что популяция наблюдаемых мной долгие годы медведей, содержала представителей разновозрастных групп: это и сеголетки (их следы можно увидеть только по чернотропу, так как медведица с родившимися в феврале медвежатами покидает берлогу в более поздние сроки, чем другие медведи – ближе к середине апреля), и пестуны (в мои мартовско-апрельские наблюдения их возраст составлял 13-14 месяцев), 3-4-летки и половозрелые особи (ширина передних лап которых достигала 17-19 см, это весьма крупные для Ленинградской области экземпляры). Все это указывает на то, что пик максимальной численности медведей в окрестностях Санкт-Петербурга был результатом не разовой аномалии их миграционной активности. Хотя специалисты допускают, что отдельные половозрелые медведи склонны к дальним перемещениям.

Конечно, мои регулярные весенние походы по следам медведей не могли не привести к ситуации прямого контакта с настоящим хозяином леса. Помню это раннее мартовское утро, сверху крепкого наста лежит свежий слой снега, иду без лыж, на груди бинокль и больше с

собой ничего из обычного походного арсенала. Через час прекрасной беспечной солнечной прогулки смотрю в бинокль: метрах в 250 мой путь пересекает какой-то зверь, успел увидеть только спину. По цвету шерсти и размерам зверя я решил, что это – кабан. Дай, думаю, посмотрю следы беглеца. Следы оказались медвежьими! По ним я понял, что медведь совсем не испуган, а просто-напросто наблюдает за мной и уже находится у меня за спиной, анализируя мои действия. Наступил не очень приятный момент этой экологической экскурсии. Пришлось очень аккуратно выходить из леса, приставив бинокль к глазам, давая понять хозяину леса, кто здесь все же самый крупный и опасный, судя по размерам глаз. Вернувшись домой, сразу стал искать напарника для повторной экскурсии. Однако, многие почему-то ссылались на свою занятость, узнав необычную причину приглашения на лесную прогулку. Я уговорил все же одного моего друга - физика, который согласился пойти в то место. По следам мы восстановили полную картину, как на самом деле мишка с любопытством следил за потенциальным «вкусным» объектом и скрадывал меня как свою жертву во время созерцания его следов. Так я впервые познакомился со следами медведя, который подползал на животе, скрадывая свою добычу, руководствуясь хищническим инстинктом. На снегу были ясно видны широко расставленные лапы и борозда от подбородка.

Здесь уместно будет сказать, что, судя по отсутствию прямых данных в местных газетах, широкой информации от ягодников и грибников, от местных жителей пригородных поселков, в лесах окрестностей Санкт-Петербурга, в которых я проводил натуралистические наблюдения, не были отмечены случаи нападения медведей на людей или случаи их агрессивного поведения. Вероятно, значительное многолетнее антропогенное воздействие со стороны многочисленных посетителей леса и хозяйственное использование лесных ресурсов выработало у медведей стремление избегать контактов и конфликтных ситуаций с человеком.

И, наконец, о поздних весенних встречах со следами медведей уже по чернотропу в конце апреля – в начале мая. Лес пробуждается, в подлеске почти сплошной полог весенних первоцветов, след медведя можно обнаружить только на влажном грунте вдоль ручьев и в поймах рек, на мокрых просеках (рис. 9). Последний знак от пребывания крупного медведя – немногочисленные остатки съеденного лосенка, совсем недавно родившегося; на солнечной лесной поляне, недалеко от места трапезы – несколько крупных куч наконец-то хорошо наевшегося медведя; на этот раз помет плотоядного зверя совершенно не содержал ос-

татков растительной пищи. На местах весеннего жора медведи заламывают вершины 3-4 метровых елей, оставляя в лесу ясно различимые пометки, возможно, давая понять натуралисту, что его прогулки здесь неуместны.

Рис. 9. Следы медведя по чернотропу в начале мая.

К огромному сожалению, описанная ситуация с медведями окрестностей Санкт-Петербурга имела не только пик развития, стабильность, но и вполне обоснованный спад численности. С началом перестройки рухнула индустриальная система животноводческих комплексов, тем самым прекратился гарантированный подкорм медведей в течение весенней бескормицы, теперь им приходится рассчитывать только на лесные харчи. Следует учесть, что как раз к началу 90-х годов в Ленинградской области начался резкий спад численности популяции лосей. Были расформированы военные городки, обеспечивающие старую систему ПВО вокруг Санкт-Петербурга. С середины 90-х годов лесозаготовители начали проводить крупномасштабные сквозные рубки высоковозрастных и переспелых лесов; лесовозные дороги покрыли густой сетью самые потаенные медвежьи места. Рубками оказались затронуты даже места, ранее облюбованные медведями для берлог – «медвежий остров» высоковозрастного ельника с примесью осины, окруженного большим моховым болотом.

И, наконец, еще одна беда – существенный фактор беспокойства для крупного зверя - это современные скоростные, весьма шумные снегоходы, на которых новые «пользователи» природы легко добираются со

своими потребительскими интересами до мест, ранее труднодоступных для пешего или лыжного натуралиста.

Вся эта пессимистическая история с медвежьим населением одного из пригородов Санкт-Петербурга еще раз напоминает, сколь ранимы трофические и экологические связи с территорией обитания у настоящего хозяина лесов. Понятно, почему каждую очередную зиму меня не покидает чувство тревоги, а вдруг увиденные прошедшей весной следы медведей окажутся последними в этих пригородных местах. Но все же хочется верить и сказать: «До следующей встречи весной, медведь»!

О ПОВЕДЕНИИ И ПИТАНИИ ЗЕЛЕННЫХ ЛЯГУШЕК

Х.Ф. Балдаев

ABOUT BEHAVIOR AND NUTRITION IN GREEN FROGS

Kh.F. Baldaev

Со школьной скамьи в нашем сознании сложилось представление, что жабы, лягушки, тритоны питаются мелкими беспозвоночными, в основном насекомыми. Возможно, что тритоны и мелкие бесхвостые земноводные могут жить и развиваться, питаясь насекомыми и другими некрупными беспозвоночными животными. А вот крупным озерным лягушкам (*Rana ridibunda* Pall.), достигающим длины туловища в условиях нашей республики до 130 мм и прудовым лягушкам (*Rana lessonae* Cam. или гибридная форма *Rana esculenta* L.) с длиной туловища до 100 мм выживать на одних насекомых и других мелких беспозвоночных значительно труднее. Да и корма такого не везде достаточно.

В качестве примера можно привести прудовую лягушку, обитающую на лесных мелководных болотах, где в течение всего весенне-летнего периода тучи комаров и мошек. Там зеленые или буровато-зеленые лягушки очень мелкие и длина их туловища не превышает 60 мм, тогда как у их сородичей, обитающих на нелесных биотопах с разнообразным кормом длина туловища на 40-50% больше. Возможно, в связи с этим прудовую лягушку рассматривают как два вида. А на наш взгляд, *Rana lessonae* и *Rana esculenta* следует рассматривать как две экологические популяции, одна из которых (с крупными особями) может питаться и позвоночными животными.

Из обобщенной информации о питании озерной лягушки [1] известно, что она, кроме жуков, ловит и позвоночных животных, что установлено и нашими наблюдениями в условиях РМЭ. Так 11 июня 1975 года во время учебной практики со студентами-биологами на берегу Б. Ошлы, мы отловили довольно крупную для нашей местности самку озерной лягушки (длина туловища 125-130 мм). При ощупывании брюшка чувствовалось, что в желудке у нее находились плотные комки. Вскрыв лягушку, из ее желудка извлекли двух молодых травяных лягушек, весом 14 и 16 г. В настоящее время препарат этой лягушки находится в зоологическом музее МарГУ.

28 июля 1977 года на лужайке речки Нолька около деревни Митюково нашли также озерную лягушку, заглатывающую серую полевку длиной около 70 мм (вместе с хвостом). Длина туловища самой лягушки

не превышала 100 мм. При этом она настолько была занята заглатыванием своей добычи, что не обращала внимание на окруживших ее людей и не пыталась ускакать. Заглоченная на $\frac{2}{3}$ длины тела полевка шевелила только задними ногами. Как только студенты накрыли лягушку сачком и придавили к земле, она отпрыгнула полевку, которая через полминуты была уже мертва. Мы наблюдали так же охоту озерной лягушки на мальков карася.

Не меньший интерес представляет поведение и питание прудовых лягушек, которых я наблюдал в Горномарийском районе. Основу питания прудовой лягушки в исследуемых некрупных водоемах (в ручье, прудах и лужах) составляют жуки, двукрылые, муравьи, кузнечики и реже стрекозы. Кроме того, в наших мелководных и некрупных водоемах прудовые лягушки поедают и молодь рыб, в частности, мальков серебряного карася.

Наблюдениями 2005-2007 гг. установлено, что в наших небольших и бедных кормовой базой прудах и не пересыхающих лужах многочисленная масса прудовых лягушек всегда голодная. Они часто насакаивают то друг на друга, то на любой шевелящийся предмет, то на поплавки рыболовов. И все это они хватают ртом.

В моем саду, в луже площадью около 40 м² и глубиной в зависимости от погоды 30-50 см я держу 150-200 двух- и трехлетних мальков серебряного карася, не считая сеголетних. Эта лужа находится в 120 м от протекающего по дну оврага ручейка и в 150-200 м от двух небольших прудов. Кроме того, исследуемая лужа находится на 30 м выше уровня ручья и прудов. Между моей лужей и ручьем имеется ложбина, по которой стекает весенняя вода, а летом – полностью пересыхает. Сухо даже в дождливую погоду.

Как только растает снег, в луже появляются травяные лягушки, отнерестятся и уходят. Вскоре появляются и прудовые лягушки, некоторые из них в этой луже даже нерестятся.

В течение мая и июня взрослых, т.е. половозрелых прудовых лягушек, можно насчитать до 15-17 особей. Однако, неограниченного увеличения их численности в моей луже я не допускал. Всех крупных лягушек периодически отлавливал, метил путем ампутации наружного пальца левой передней конечности и относил в пруд, находящийся в 200 м. Со временем лягушки снова начинают приходить в мою лужу.

Из помеченных в 2006 г. 15 лягушек в 2007 г. в моей луже появилась только одна. Остальные 14 взрослых прудовых лягушек были новые, впервые появившиеся, не помеченные. Кроме взрослых, в мою лужу за лето приходят 5-7 молодых прудовых лягушек.

По своей природе прудовые лягушки не должны уходить далеко от своих водоемов. Как доходит информация до них, что на значительном безводном расстоянии и достаточно высоко над уровнем привычных им водоемов имеется лужа с хорошей кормовой базой, где кроме привычных насекомых и других беспозвоночных имеется много пчел и легкодоступные мальки рыб? Правда, нам не приходилось наблюдать, как лягушки ловят пчел. Но за два года в самой луже находили 3-х погибших молодых лягушек. Полагаю, что они погибли, ужаленные пчелами (требуется доказать!).

Взрослые прудовые лягушки в этой луже весьма успешно охотились за мальками карасей, особенно когда рыбкам давался корм – слегка подсохший кусок хлеба с корочкой. Привязанный на конце прутка кусок хлеба я устанавливал на середине лужи, свободной от элодеи и других растений. Через 10-15 минут, учуяв запах хлеба, мальки начинают подплывать к корму и теребить его. В зависимости от погоды, в «клевый» день вода кипит от движения мальков.

В такой день серебряный карась клюет в любом водоеме нашей местности. В «неклевы» день к корму подплывает мало рыбок. В такой день на рыбалку лучше не ходить. Таким образом, мальки в моей луже являются индикатором активности и «клевости» во всех окрестных мелких и крупных водоемах.

Когда мальки интенсивно теребят корм, одна, редко две наиболее голодные лягушки медленно подплывают к кишасей массе рыбок вплотную. В это время мальки совершенно утрачивают осторожность и становятся добычей лягушки. Обычно лягушки хватают свою жертву за голову. Со схваченной добычей они подплывают к берегу и там заглатывают. Вес заглатываемых мальков в среднем 7-10 г. Это двухлетние мальки, так как в мелком и бедном кормовой базой водоеме они растут медленно. Сеголетних мелких мальков в желудках лягушек не отмечал, вернее, они не прощупывались. За лето 2007 г. из наблюдаемого своего водоема в пруд перенес 27 взрослых прудовых лягушек. В пяти из них я прощупывал мальков карасей (в отличие от озерных лягушек, кожа и мышцы на животе у прудовых тоньше, что позволяет определить содержимое их желудка – рыбка или бесформенный пищевой комок).

В качестве резюме следует сказать, что одна из популяций прудовых лягушек в мелких водоемах весьма успешно может питаться и мальками рыб. Однако, не следует думать, что и в больших водоемах лягушкам рыбки достаются так же легко, как в моей луже и в небольших прудах.

Библиографический список

1. Денисова М.Н. Отряд Бесхвостые земноводные (Ecaudata, или Anura) // Жизнь животных. Т. 4. Ч. 2. – М.: Просвещение, 1969. С. 105.

**ЗНАЧЕНИЕ УРОЖАЯ ЯГОДООБРАЗНЫХ ПЛОДОВ
ДЕРЕВЬЕВ И КУСТАРНИКОВ ДЛЯ ЗИМОВКИ
ПТИЦ В ГОРОДЕ ЙОШКАР-ОЛЕ**

Х.Ф. Балдаев

**HARVEST OF BERRY-SHAPED FRUITS ON TREES AND SHRUBS
AND WINTER LIFE OF BIRDS IN YOSHKAR-OLA CITY**

Kh.F. Baldaev

Лето 2003 г. было весьма благоприятно для урожая многих видов мелкоплодных (ягодообразных) деревьев и кустарников: рябины, боярышника кроваво-красного и черноплодного, мелкоплодной ягодной яблони (*Malus baccata*) и др. В связи с обильным урожаем этих плодов птичье население города зимой 2003-2004 гг. было многочисленным и разнообразным по видовому составу. Как всегда? с осени в городе обычны врановые: серая ворона, галка, сорока и редкие, оставшиеся зимовать грачи, сизый голубь, домовый и полевой воробьи, синицы и снегири. Свиристели и оставшиеся на зиму из-за обилия рябины дрозды-рябинники всю осень и в начале зимы кормились в лесах и сельской местности. И только в конце декабря их сотенные стаи налетели в Йошкар-Олу: по-видимому, за пределами города запасы их корма оскудели. И вся эта масса птиц с конца декабря начала «пасться» на «ягодниках» города, в первую очередь на рябине и на ягодных яблонях.

20-25 января в Йошкар-Оле появились небольшие стайки чечеток – по 5-10 птиц. А осенью от нас они пролетали многосотенными стаями. Но теперь, появившись в городе среди зимы, они в основном питались семенами березы и ели, некоторые из кормов выискивали на снегу под этими деревьями. В городе они держались до середины февраля, а затем, улетели – исчезли.

11 февраля около драмтеатра им. Шкетана к стайке пасущихся на лугу чечеток подлетел самец белокрылого клеста, но, испугавшись проходящих мимо людей, улетел. Еще одного белокрылого клеста через 2 дня видели около общежития № 1 МарГУ. В условиях нашей республики, эта птица чрезвычайно редка. Впервые белокрылый клест мною был добыт 30.09.1956 г. в Килемарском районе. Его я застал клевавшим семена подсолнечника.

3 февраля 2004 г. в городе по улицам Первомайской и Вашской появились юрки. В эти же дни по ул. Пролетарской юрков наблюдал В.А. Корнеев. В наших краях этих перелетных птиц в зимнее время, как пра-

вило, не отмечают. Однако 23-25 декабря 1977 г. я наблюдал около 10 юрков.

Через 3-5 дней в их стайках можно было насчитывать до 10-15 птиц. В период наших наблюдений в течение 9-10 дней юрки питались только мелкими плодами ягодных яблонь, вернее, семенами этих яблонь. Следует отметить, что семена мелкоплодных яблонь для этих птиц были наилучшим высококалорийным кормом, и они в это время были очень бодрь и оживлены. Не из-за этих ли семян они зимой прилетели к нам? Посадки мелкоплодной ягодной яблони (*Malus baccata*) широко распространены в г. Йошкар-Оле, а по сравнению с ней боярышник и рябина имеют гораздо более крупные и грубые семена. Однако уже к 10 февраля этих яблоч в городе осталось мало, так как ими питались и свиристели, и снегири.

Однако, в городе еще достаточно много осталось рябины, боярышника и других плодов. 12 февраля около Центрального рынка по ул. Первомайской на рябине и на снегу под ней я насчитал 22 юрка, питающихся семенами рябины. Среди питающихся на снегу юрков у четырех птиц крылья подвисали, а у двух из них даже касались снега. Было видно, что эти птицы ослаблены. В это время юрки были исключительно доверчивы и не пугливы. К ним подходили на расстояние до 1 м. Только при попытке взять их в руки они отлетали на 3-5 м в сторону или на дерево. По-видимому, рябина и ее грубые толстоскорлуповые семена для таких мелких птиц как юрки мало пригодны. Ее они поедали по необходимости, так как мелкоплодных яблоч с тонкой легко перевариваемой корочкой и семенами в городе уже не осталось. А на плоды боярышников юрки не обращали внимания.

Обобщая свои данные по учету юрков 10-12 февраля в разных точках Йошкар-Олы, мы оценили их численность – около 300 птиц. Возможно, какая-то часть птиц осталась неучтенной, особенно в парковой зоне. В последующие дни количество юрков становилось меньше, кто-то находил их погибшими, часть ослабленных птиц уничтожалась бродячими кошками. 27 февраля в ходе тщательных поисков в городе мы нашли только одну группу из четырех юрков.

В последние годы (2004-2006 гг.) урожаи рябины и боярышника были удовлетворительны, а ягодная яблоня малоурожайна. В 2007 г. урожаи рябины, боярышника достаточно обильны, а ягодной яблони удовлетворительны.

Плоды мелкоплодных яблоч были съедены снегирями и свиристелями уже к середине декабря. Рябина поедается свиристелями, и к середине января ее уже мало. А плоды боярышника кроваво-красного зимой

2007-2008 гг. местами достаточно активно поедаются сизыми голубями, что мы отмечаем впервые. До нынешней зимы сизари не только не ели плоды боярышника, но даже вообще не садились на деревья. А в эту зиму сизые голуби, как и другие птицы, садятся на боярышники, едят плоды, и подбирают их на снегу под деревьями. Ведь прежде голуби питались зерном, горохом и семенами различных растений. Под влиянием каких факторов голуби стали поедать плоды боярышника? Возможно, это временное явление.

О «РАЗБОРКАХ» МЕЖДУ ВОРОНАМИ И КОШКАМИ

Ю.П. Демаков

ABOUT QUARRELS BETWEEN CROWS AND CATS

Yu.P. Demakov

Условия среды обитания организмов, как известно, редко бывают стабильными, особенно в бореальной зоне. То засухи, то сильные морозы, то ураганы, то иные погодные аномалии постоянно нарушают сложившееся природное равновесие, баланс между различными компонентами биогеоценозов. В последнее время довольно мощное возмущающее воздействие на природные комплексы оказывает хозяйственная деятельность человека. Все живые существа для того, чтобы продолжить свое существование и успешно размножаться, постоянно приспосабливаются к изменениям среды с помощью различных адаптационных приспособлений: морфологических, физиологических и поведенческих. Последние из них являются у позвоночных животных наиболее важными и эффективными в борьбе за выживание. Поведенческие адаптации во многом определяют и характер взаимоотношений между организмами в экосистеме, которые могут изменяться от нейтральных к комменсальным, конкурентным или же мутуалистическим.

Особенно быстро изменяется поведение животных и характер взаимоотношений между ними в городских условиях, так как среда обитания организмов здесь преобразуется на глазах даже одного поколения людей. Так, к примеру, до недавнего времени никто из садоводов-любителей не жаловался на дроздов, «нашествия» которых сейчас сводят на нет их усилия по выращиванию земляники. Урожай яблок и облепихи успешно «помогают» убирать также и серые вороны, галки и сороки, которые не брезгают подчас и красными помидорами. Все эти пернатые разбойники обитали прежде на полях и в окрестных лесах, не особенно донимая человека. К изменению поведения птиц привело как развитие садоводства в наших краях, которым раньше население практически не занималось, так и увеличение численности популяций птиц, особенно ворон, в результате резкого возрастания массы пищевых отходов, выбрасываемых людьми на помойки (раньше пищевыми отходами кормили скот). Изменения в сфере потребления человеком продуктов питания и образования пищевых отходов незамедлительно отражаются на поведении всех членов антропогеоэкосистем, однако часто мы не

замечаем происходящих трансформаций или не уделяем им должного внимания.

Недавно мне довелось быть свидетелем двух однотипных случаев, имеющих прямое отношение к изменению поведенческих реакций животных и характера взаимоотношения между видами, населяющими одну территорию, но не вступающими, казалось бы, в прямые их отношения друг с другом.

Первый случай произошел в теплый, но пасмурный мартовский день. На заборе напротив окна моего домашнего кабинета сидел мой уже довольно немолодой рыжий кот по кличке «Чип», отдыхая от своих текущих забот и наслаждаясь жизнью. Сидел и никому, казалось бы, не мешал. Вдруг, откуда не возьмись, прилетела серая лохматая и мрачная ворона и села на забор неподалеку от кота. Он взглянул на неё лениво и отвернулся, не удостоив своим вниманием. Поведение вороны было, однако, иным. Она боком-боком стала приближаться к коту, а поравнявшись с ним, немедленно перешла в атаку, начав клеваться и бить его крыльями. Кот пытался обороняться, пуская в ход свои острые когти, но безуспешно. Ворона оказалась агрессивной, постоянно усиливая и учащая свои удары клювом. Кот, трусливо поджав хвост и жалобно мяукая, шмыгнул в щель забора и скрылся в сарае. Победительница громко каркнула в ответ, гордо оглядела свободную территорию, поправила клювом взъерошенные в драке перья на крыльях и улетела по своим вороньим делам.

Второй случай произошел в теплый сентябрьский вечер, когда солнце, опускаясь к горизонту, согревало землю последними ласковыми лучами. Я, устав от дневных дел и забот, отдыхал в саду, присев на скамейку. На коньке крыши соседнего дома сидел и подремывал чей-то серый кот. Природа тоже отдыхала, и лишь изредка нарушал вечернюю тишину негромкий шум проезжавших где-то вдалеке автомобилей и беззлобный лай немногочисленных дворовых собак. Мимо нас с котом, а поблизости никого больше не было, на небольшой высоте не спеша пролетали две усталые вороны, держа свой путь, по всей видимости, к месту ночлега. Заметив кота на крыше, они заметно оживились и, резко спикировав, сели рядом с ним – одна слева, а другая справа – и сразу перешли к активным действиям, орудуя клювом и крыльями. Кот не выдержал атаки этих двух агрессоров и, кубарем скатившись с крыши, укрылся в огороде в густых зарослях малины. Вороны же с довольным видом полетели дальше и на пространстве вокруг меня опять воцарились покой и мирная тишина.

«Так что же не поделили между собой эти столь разные по характеру и среде обитания животные» – подумал я – «и почему у ворон такое резко враждебное отношение к кошкам, которые, казалось бы, не причиняют им особого вреда?». Причина неприязненного отношения первых ко вторым заключается возможно в том, что они являются пищевыми конкурентами, устраивая на помойках драки. А может быть, вороны злы на кошек из-за того, что те иногда разоряют их гнезда? Вопрос остается открытым.

ХИЩНИК И ЖЕРТВА: ПАУК И КУЗНЕЧИК

И.О. Камаев

PREDATOR AND VICTIM: A SPIDER AND A GRASSHOPER

I.O. Kamayev

В июне 1999 года меня пригласили в детский полевой экологический лагерь «Школа Дикой Природы» (ЦТДЮ, г. Новочебоксарск), который проходил на территории Присурского заповедника Чувашской Республики. Моя исследовательская работа была посвящена изучению биологии пауков [2].

Из одной экскурсии мне принесли очень крупного крестовика (*Araneus angulatus* или *Ar. grossus* ?), величиной чуть меньше грецкого ореха. Длина тела паука (без ног) была около 2,5 см. Для сравнения самые крупные крестовики, встречающиеся на территории нашей республики, достигают 1,8 см [3, 5].

В тот же день крестовика поместили в садок, по-видимому, мало-пригодный из-за объема для постройки колесовидной сети, типичной для всех кругопрядов (Araneidae). По моим наблюдениям ловчую сеть у крестовиков размером 1-1,5 см удастся получить в садке объемом 3 литра. Первое время паук пытался выбраться, однако ему не удавалось подняться даже к крышке садка. На следующий день в садок «подселили» серого кузнечика (*Decticus verrucivorus* L.), размером около 4 см. Мы, юннаты, ожидали увидеть решающую схватку хищника и потенциальной добычи. На тот момент мы не знали, что серые кузнечики в основном поедают насекомых, реже потребляя растительную пищу [6, 7]. Обладая мощными жвалами, кузнечики легко нападают на объекты равные им или превышающие их по размеру. А их жертвами становятся другие виды прямокрылых и даже жуки [6, 7]. Кузнечик в неволе активно перемещался, изредка наталкиваясь на крестовика. Тот же лишь подбирал ноги к телу, напоминая темно-серый шар.

Неискушенному читателю раскрою особенности охоты пауков рода *Araneus*. Эти животные строят ловчую сеть характерной формы, а сами скрываются в убежище или сидят в центре сети. От центра сети в укрытие тянется сигнальная нить, по колебаниям которой пауки узнают о том, кто попал в паутину. Если это самец крестовика, то он сообщает о своем приходе по особому, иначе «хозяйка» сети примет его за добычу [4]. По характеру колебаний паук узнает и о размере добычи. Обычно он нападает на жертву равного либо меньшего размера, не всегда атаку-

ет попавших в сеть крупных насекомых. При этом у крестовиков зрение развито слабо и ключевую роль в «ощущениях» паука играет паутина [1]. Без ловчей сети это уже не такой грозный хищник.

Следующий день принес сюрприз. На дне садка сидел зеленый кузнечик, а паука не было видно. Взглянув под крышку садка, я вздохнул с облегчением: крестовик поместился в уголке. Видимо «беспокойный сосед» настолько «надоел» восьминогому, что тот перебрался на «потолок». Наблюдение за сосуществованием двух хищников были продолжены. Вновь наступивший день решил все окончательно. Проснувшись утром, я тут же кинулся к садку. Кузнечика не было видно, а под крышкой паук доедал кузнечика, в прямом смысле слова, дожевывая хелицерами тело последнего. Нападение произошло ночью.

Интересны два взаимосвязанных момента. Первый, паук не атаковал кузнечика, а просто игнорировал его. Хотя в моих опытах у нас в Республике, крестовики легко нападали на предложенную добычу меньшего размера вне сети, например, на личинок комара-звонца, мух, тараканов. Необычно поведение крестовиков в подобных случаях: сначала они принимают «защитную позу», приподнимая головогрудь и поднимая первые две пары ног (как тарантулы), и лишь затем нападают, а иногда и в спешке убегают. Второй момент связан с тем, что паук все же поймал крупное и сильное насекомое, и, скорее всего, описанным выше способом, так как ловчая сеть в садке не была построена. Этот факт в своём роде представляется даже удивительным, ведь паук охотился не характерным способом и притом на крупную и сильную добычу. Предположение о поедании трупа кузнечика не представляется состоятельным, так как пауки не поедают трупы насекомых, к тому же кузнечика необходимо было еще обнаружить. Через несколько дней самка крестовика сплела кокон и в него отложила яйца. Это, по-видимому, и подвигло паука на опасную охоту, так как откладка коконов у пауков связана с питанием.

В последующем крестовик вместе с коконом был возвращен в естественные условия обитания.

Библиографический список

1. Иванов А.В. Пауки, их строение, образ жизни и значение для человека. – Л.: ЛГУ, 1965. 305 с.
2. Камаев И. Видовой состав пауков пойменных лугов реки Суры и изучение их биологических особенностей в полевых условиях// Межрегиональная научно-практическая конференция учащихся по особо охраняемым природным территориям: Сб. тез. – Йошкар-Ола: ГПЗ «Большая Кокшага», 2000. С. 97-99.

3. Матвеев В.А., Краснобаев Ю.П., Бекмансурова Е.В. Фауна и экология пауков Республики Марий Эл. – Самара, 2003. 87с.
4. Михайлов К.Г. Размерный половой диморфизм («карликовость самцов») у пауков: обзор проблемы // *Arthropoda Selecta*. – 1995. Vol. 4. No. 3-4. P. 51-60.
5. Тыщенко В.П. Определитель пауков европейской части СССР. – Л.: Наука, 1971. 282 с.
6. Фабр Ж.-А. Инстинкт и нравы насекомых: В 2 т. Т. 2. – М.: Терра, 1993. 612 с.
7. Шеффель П., Шайба Б. Животные. // Руководство для натуралиста. – М.: Мир, 1991. 163 с.

О ДВУХ РЕДКИХ ВИДАХ ПАУКОВ

И.О. Камаев

ABOUT TWO RARE SPECIES OF SPIDERS

I.O. Kamayev

В августе 2004 года в сосняке лишайниково-мшистом Старожильского лесничества мною был обнаружен паук *Eresus cinnaberinus* (Oliv.) [1]. В почвенные ловушки попало всего 3 экземпляра, а в начале третьей декады августа в районе участка исследований было отмечено ещё 4 особи. Все обнаруженные пауки - самцы (Рис. 1). Самки обитают в норках и поэтому отсутствуют в ловушках в отличие от более подвижных самцов. Отличить самцов от самок довольно легко, благодаря выраженному половому диморфизму. Небольшие самцы ярко окрашены. Эти пауки питаются только жуками, например, навозниками (*Geotrupes*) [3], которые многочисленны в исследуемых сосняках. *Eresus cinnaberinus* в Среднем Поволжье отмечен как редкий вид в Нижегородской, Ульяновской и Самарской областях [2]. В 2006 году при проведении исследований этот вид обнаружен не был. По устному сообщению Г.А. Богданова, *Eresus cinnaberinus* также встречается в районе поселка Силикатный.

Рис.1. *Eresus cinnaberinus* (Oliv.), самец (длина тела 8 мм).

Фото автора.

Другой интересный представитель отряда пауков *Aculepeira ceropegia* (Walck.) был пойман в начале июня 2007 года в ходе экскур-

сии на поле, примыкающем к садам «Дружба» (к югу от города Йошкар-Ола). На ловчей сети был встречен 1 экземпляр (самка), изображенный на рисунке 2. Этот вид в Среднем Поволжье обнаружен только в степях Самарской области [2]. Не исключено, что данный вид в наших условиях может быть заносным. Один из вероятных путей расселения – посредством переноса ветром на значительные расстояния паутинных нитей с молодью пауков (особенно много их можно увидеть в солнечные дни «бабьего лета»).

Оба вида представляются достаточно редкими для нашей Республики и требуют более детального изучения. Собранный материал хранится в моей коллекции.

Рис. 2. *Aculepeira ceropegia* (Walck.), самка (длина тела 8 мм).

Фото автора.

Библиографический список

1. Камаев И.О. Разнообразие и структура населения пауков герпетобия в культуре сосны обыкновенной // Принципы и способы сохранения биоразнообразия: Сб. матер. II Всерос. науч. конф. – Йошкар-Ола, 2006. С. 379.
2. Краснобаев Ю.П. Каталог пауков (Aranei) Среднего Поволжья. – Самара, 2004. 213 с.
3. Тыщенко В.П. Определитель пауков европейской части СССР. – Л.: Наука, 1971. 282 с.

НЕСОСТОЯВШИЕСЯ ВСТРЕЧИ С РЫСЬЮ

В.А. Корнеев

NOT BEFALLEN MEETS WITH A LYNX

V.A. Korneev

Как-то в середине шестидесятых годов я бродил по лесу севернее деревни Шаптунги, что сейчас находится на территории заповедника. Была вторая половина июля, середина дня. Хорошая солнечная погода. Тихо в лесу. Присел отдохнуть, перекусить, и некоторое время вел себя достаточно тихо.

И вот не очень далеко, в чаще леса, послышались странные звуки. Они были довольно громкие и напоминали глухое, басовитое мяуканье, ворчание, урчание. Слышалась какая-то возня. Понятно было, что там находятся не очень маленькие звери. Судя по голосам, это были рыси. Скорее всего – семья с котятами. И шум, возню устроили разыгравшиеся молодые.

Я сидел тихо, прислушивался. Ждал, что может быть они закончат игры и выйдут на меня. Очень уж хотелось их увидеть. Подождал минут пять, может быть побольше. Шум не прекращался. Тогда я решил под шумок самому подкрасться к ним. До «объекта», прикинул, было метров пятьдесят. Двигался медленно, осторожно, стараясь не шуметь. Вначале игры не прекращались. Но не прошел я и четверти пути, как впереди все стихло. Остановился, постоял некоторое время. Хотелось думать, что звери успокоятся и продолжат свои дела. Но в лесу стояла тишина. Только птицы посвистывали временами.

Пошел разыскивать то место, где находились звери. Действительно, нашел. Трава между кустами была немного примята. Заметно, что тут кто-то недавно был, но меня не дождался. Чуткие эти звери, издали слышат опасность.

В другой раз дело было зимой 1979 года. В середине февраля мы были на полевых работах в северной части Параньгинского района, в окрестностях деревень Иштыра, Русский Ляжмарь. Занимались изучением мелких млекопитающих – грызунов, насекомоядных – в природных условиях. Ландшафт в тех краях полевой. Леса разбросаны небольшими островами среди пашен.

Я ставил ловушки на зверьков в небольшом еловом лесочке. Размеры его были всего метров триста в ширину и около километра в длину. Выставил линию ловушек недалеко от опушки и решил зайти подальше

в глубину лесочка. Туда как раз вела дорожка. Зимой она не использовалась, была покрыта снежной целиной. Не успел пройти сотню метров, как наткнулся на след рыси. След был совсем свежий. В это время сыпал небольшой снежок, но он совершенно не припорошил следа. Зверь бежал крупными прыжками. И с той стороны, где я только что был. Решил проверить, откуда же она взялась, эта рысь. Протропил в обратную сторону, в пятую, как говорят охотники. И очень быстро вышел к месту, где она отдыхала, дневала. Лежка ее имела вид круглой ямки в снегу, диаметром побольше полуметра. И располагалась на довольно большой, широкой кочке под нависшими еловыми лапами. Оказалось, что моя линия ловушек проходила на расстоянии двадцати метров от лежки. Это я спугнул рысь. Но она, конечно, не подпустила меня на эти двадцать метров, а ушла заранее, галопом. Когда я был еще далеко.

Вернулся к тому месту, где встретил след, и пошел по нему. Интересно было, куда же она пойдет дальше. Ведь лесочек-то этот совсем маленький. По следам определил, что рысь выбежала к опушке. Дальше было поле, а метрах в трехстах за ним виднелся более крупный массив леса. След направился через поле к нему. В поле по снегу змеилась поземка, след заметало. Выйдя через поле ко второму лесу и пройдя вдоль опушки, я вновь нашел след. Он уходил в глубину леса. Потропил некоторое время. Рысь шла напрямую, не останавливаясь. Темнело, и преследование пришлось прекратить. Удивительной была находка рыси в полевом краю. Она обитает в больших, сплошных лесных массивах таежного типа. А здесь лесов почти нет, небольшие лоскутки их разбросаны среди полей на десятки километров вокруг.

Так и не пришлось воочию увидеть этих интересных зверей. Ни в первый раз, ни во второй, хотя они были совсем близко. Следы же их в зимнем лесу время о времени приходилось встречать.

ДВЕ ВСТРЕЧИ С ЛОСЯМИ

В.А. Корнеев

TWO MEETS WITH ELKS

V.A. Korneev

Одна из них состоялась в Калужской области, в лесах около небольшого городка Боровска, в начале шестидесятых годов. С двумя братьями мы бродили, охотясь, в октябре по лесу в надежде встретить рябчика или тетерева, которых тогда еще было немало. Я отбился от компании и вышел на глухую лесную дорожку. И что же? Невдалеке на этой дорожке стоит крупный лось, без рогов в октябре, лосиха значит. Стоит и смотрит на меня, не убегает. Нечасто зверь позволяет спокойно рассмотреть себя. Я стал подходить ближе. Лосиха стоит. Подхожу еще ближе – стоит. Подпустила меня совсем близко. Но стоило придвинуться еще ближе – стала отступать. Именно отступать, но не уходить. Я продвинулся на шаг дальше, она на шаг отступит и снова стоит. Я сделаю еще шаг к ней, она на шаг отступит. Выдерживает минимальную дистанцию, ближе не подпускает. И так продолжалось несколько раз. Я уже стал разговаривать с ней, объяснять, что так вести себя нельзя, опасно. Найдутся ведь браконьеры, и подстрелить могут. Смотрит, ушами поводит, но не уходит.

Насмотрелся, налюбовался я на нее вдоволь. Но время идет, напарники мои могут далеко уйти, потеряют меня. Пошел их искать. Ухожу, оглядываюсь, а лосиха стоит себе на том же месте. Нашел ребят. Спрашиваю, не хотят ли посмотреть на лося. Конечно, они хотели. Повел их на ту дорожку. Пришли, а лосиха все там же стоит. Но нас троих близко не подпустила, только метров на сорок-пятьдесят. Ушла спокойно, величественно, не торопясь. Не по дороге, а растворилась в лесу.

Я заметил места, где стояли на короткой дистанции она и я, когда еще был один. Когда лосиха ушла, замерили расстояние. Оказалось, что она допускала меня на двадцать семь шагов.

Вторая встреча оказалась не такой спокойной. Она случилась уже в Марийском крае, недалеко от деревни Кучки, что по Козьмодемьянскому тракту, в конце шестидесятых годов. Был сентябрь, брачный сезон у лосей. А я с русско-европейской лайкой Туманом пошел на охоту. Он еще молодой тогда был, по второму году.

Вышли мы в сосняки. Они по буграм там растут. Собака моя в поиске, бегае где-то. И вот у просеки с противопожарной бороздой я увидел

на березе гриб-чагу. Решил взять ее. Гриб высоко, руками не достанешь. Пришлось вырезать длинную палку. Ружье прислонил в стороне к дереву, а сам занялся чагой. И тут за бугром залаял мой Туман. Залаял басовито, зло. Сразу чувствуется – по крупному зверю. Или лось, или медведь. Пока я гадал, кто бы это мог быть, из-за бугра на предельной скорости вылетела собака, а вслед за ней, почти не отставая, лось, рогаль сохатый. Собака со всех ног мчится прямо ко мне, видно, под мою защиту с испугу. А бык – за ней. Выходит, тоже ко мне. Да еще разъяренный. Что делать? Ружье в стороне, в руках у меня только палка. А парочка эта уже в каком-то десятке метров. Ничего мне не оставалось, как только громко, изо всех сил крикнуть. И лось испугался. Он как раз выскочил в это время на противопожарную борозду и от крика резко прыгнул в сторону от меня. Оттолкнулся ногами так сильно, что в песке на этой борозде осталась глубокая яма. Лось убежал, а Туман прижался к моим ногам. Перепугался, бедняга. Вместо охотника сам добычей чуть не стал. Но впоследствии облаивал лосей хорошо.

Ну, а поведение лося вполне понятно. Во время гона быки находятся в сильном возбуждении, постоянно готовы к драке с соперниками. И всякому, кто на них нападает, готовы дать хороший отпор. Бывает, что и на людей нападают. Удивительно, что этот бык в горячке не бросился на меня.